

Научная статья. Исторические науки

УДК 94(597)

DOI: 10.31696/2072-8271-2026-2-2-71-399-416

МНОГООБРАЗИЕ ВЬЕТНАМСКОЙ ДΙΑСПОРЫ: ГРАНИ ИДЕНТИЧНОСТИ

Иван Дмитриевич ЛОШКАРЁВ¹, Данила Владимирович ПРОТАСОВ²

^{1,2} МГИМО МИД России, Москва, Россия,

¹ ivanloshkariov@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-7507-1669>

² danilshabashi@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0007-2172-2589>

Аннотация: Вьетнамская диаспора представляет собой сложное и разнородное явление. Диаспора сформировалась в результате различных волн миграции, которые обуславливаются историческими, политическими и экономическими факторами.

Работа предлагает выделить пять основных групп вьетнамских диаспор. К ним относятся: пост-колониальная, пост-сайгонская, постсоциалистическая и новая диаспоры, а также диаспора приграничных труднодоступных областей в соседних государствах. В статье охватываются основные мотивы миграции, ключевые характеристики, история и сегодняшнее положение каждой из выявленных пяти вьетнамских диаспор. Внутри каждой группы также обнаруживаются подгруппы, что подчеркивает внутреннее разнообразие диаспор. Такой фокус исследования позволил предоставить более многогранную и нюансированную картину. Статья приходит к выводу, что в качестве родовых признаков каждой из пяти групп можно указать страну происхождения и высокое значение семейных отношений, в то время как совокупность всех других признаков достаточно сильно различается между пятью выделенными группами. Выделение пяти ключевых диаспор позволяет более точно изучать их специфику и развитие. Полученные результаты могут быть полезны для дальнейших исследований миграционных процессов, этнической идентичности и интеграции.

Ключевые слова: вьетнамская диаспора, вьетские, падение Сайгона, диаспоральная идентичность, люди лодок

Для цитирования: Лошкарёв И.Д., Протасов Д.В. Многообразие вьетнамской диаспоры: грани идентичности // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2026, Том 2, № 2 (71). С. 399–416. DOI: 10.31696/2072-8271-2026-2-2-71-399-416

Original article. Historical science

VIETNAMESE DIASPORA PLURALITY: IDENTITY'S FACETS

Ivan D. LOSHKARIOV¹, Danila V. PROTASOV²^{1,2} MGIMO MFA of Russia, Moscow, Russia¹ ivan1loshkariov@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-7507-1669>² danilshabashi@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0007-2172-2589>

Abstract: The Vietnamese diaspora is a complex and sophisticated phenomenon formed as a result of various migration waves driven by various historical, political and economic factors.

The work identifies five main Vietnamese diasporas, namely: post-colonial, post-socialist, and new diasporas, the «fall of Saigon» diaspora, and the «New Zomia» diaspora. The article studies the key motives, characteristics, history and current state of each of the identified five Vietnamese diasporas. The article arrives at a conclusion that these five groups have their own subgroups. It highlights the internal diversity of diasporas. This focus of the study allowed authors to provide a more multifaceted and nuanced picture. The article concludes that the Vietnamese origin and the high family ties importance can be viewed as the generic characteristics of each of the five groups, while the complex of all other features varies significantly among the diasporic groups. The typology provides for a more accurate study of their specifics and evolution. The results can be useful for further studies of migration processes, ethnic identity and integration.

Keywords: *Vietnamese diaspora, viet kieu, Saigon fall, diaspora identity, boat people*

For citation: Loshkarev I.D., Protasov D.V. Vietnamese Diaspora Plurality: Identity's Facets. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, 2026, Vol. 2, № 2 (71). Pp. 399–416. DOI: 10.31696/2072-8271-2026-2-2-71-399-416

Введение

Гражданская война во Вьетнаме (1960-1975 гг.) оставила глубокий травмирующий след в памяти американского и вьетнамского обществ. Если для американцев урон ограничился потерей доверия к правительству, то для жителей Вьетнама война стала настоящим

бедствием. Особую роль в этом сыграла жестокость американских военных, действия которых попадают под определение экоцида¹.

Еще одно последствие войны во Вьетнаме заключалось в появлении большого числа беженцев. После падения города Сайгон (столица Южного Вьетнама) в 1975 г. и введения ханойским правительством фильтрационных мер в отношении «подозреваемых в сотрудничестве с США» лиц, из страны бежало более 1,5 млн человек (3,5% тогдашнего населения)². Позже они сформируют целое множество диаспоральных сообществ в США, Канаде, Австралии, Великобритании и даже в Израиле.

Представители администрации Южного Вьетнама и их семьи эвакуировались в рамках специальных программ США. Основная масса беженцев покидала страну, уплывая на лодках в международные воды и подвергая себя значительным рискам (пиратство, штормы, голод и т.д.). Позже их назовут «людьми лодок». Соединенным Штатам Америки при поддержке других стран удалось справиться с кризисом беженцев в Индокитае к 1979 г. Выжившая часть бежавших от тяжелого труда на вьетнамских «новых экономических зонах» была перенаправлена в западные страны, преимущественно в США³.

Согласно данным правительства Вьетнама, сегодня более 5,3 млн вьетнамцев проживают за рубежом. Традиционно диаспору принято называть *вьет киеу* (вьетнамцы за рубежом). Почти половина – 2,3 млн *вьет киеу* – проживает в США. Эту американскую часть диаспоры условно можно назвать «пост-сайгонской» диаспорой. Хотя эта часть диаспоры и занимает весомую долю от числа всех вьетнамцев за рубежом, существуют и множество других диаспоральных сообществ⁴.

Как явление вьетнамская диаспора возникла еще до падения Сайгона. В период колониальной администрации Франции многие вьетнамцы уезжали на учебу в метрополию. Значительная часть франковьетнамцев позже поддержит Коммунистическую партию Вьетнама. В годы реформ *Дой мой* Социалистической Республики Вьетнам в Восточной Европе возникнет свое весомое вьетнамское сообщество. В текущий же период Вьетнам во многом повторяет типичный для региона сценарий экспорта рабочей силы в стремительно развивающиеся страны, такие как Япония, Южная Корея, Тайвань и другие. В силу исторических событий сейчас многие вьетнамцы проживают на территории соседних государств – в Камбодже, Таиланде и Лаосе.

Таким образом, география и причины возникновения вьетнамских диаспоральных сообществ сильно разнятся между собой. В общей сложности можно выделить пять самостоятельно возникших

диаспоральных групп. В этой связи закономерно поставить вопрос о наличии единой вьетнамской диаспоры. Вероятно, это скорее несколько независимых друг от друга сообществ, дистанция между которыми имеет не только историческое и географическое измерение, но и отчасти идеологическое.

Идеологический конфликт диаспоры во Франции

В 1910 гг. Франция предприняла попытки переместить местное население в метрополию, что стало первой организованной формой вьетнамской миграции и привело к возникновению первой диаспоры. С 1910-х по 1960-е гг. из колонии во Францию прибывали студенты и рабочие. В основном мигрантами оказывались представители среднего класса, которые рассматривали Францию как страну временного пребывания. Здесь они могли приобрести навыки для дальнейшего строительства нового Вьетнама. С этой общественно-политической ориентацией многие начали увлекаться идеями социализма, антиколониализма и национализма. Среди представителей этой волны «временной» миграции были виднейшие вьетнамские революционеры, в том числе и сам Хо Ши Мин. После падения французской колониальной системы из Вьетнама во Францию прибыли многие представители «гибридных» идентичностей, тяготеющих к франкофилии⁵.

На фоне начала Гражданской войны во Вьетнаме внутри диаспоры во Франции возник раскол между левыми и антикоммунистическими силами. Сторонники социалистического правительства в г. Ханой создали организацию *Union Générale des Vietnamiens de France* (Общий Союз Вьетнамцев во Франции). Антикоммунисты же не смогли продемонстрировать такой же способности к институциональной самоорганизации. *UGVF* по сей день остается основным организатором совместных мероприятий, таких как празднование Лунного Нового Года, Дня Воссоединения Вьетнама и многих других, в результате чего левые значительно выигрывают по сравнению с противостоящими им силами⁶.

Внутридиаспоральный политический раскол стал более сложным после падения Сайгона в 1975 г. Франция приняла более 100 тыс. «людей лодок». Для сравнения, в 1975 г. в стране проживало около 50 тысяч вьет киеу. Прибывшие мигранты были откровенными противниками ханойского правительства и воспринимали его поддержку как акт «предательства». Между двумя полюсами миграции возникло идеологическое противостояние⁷.

Если предыдущие поколения мигрантов хорошо знали французский язык и получили французское образование, то бежавшие на лодках в международные воды происходили из менее благополучных слоев населения. Первичным мотивом их миграции была необходимость уйти от предполагаемой угрозы жизни со стороны социалистического правительства. Нахождение во Франции было целью второго порядка.

Несмотря на высочайший по сравнению с другими меньшинствами Франции процент получения гражданства ($\frac{3}{4}$ «людей лодок» прошли процесс натурализации), эта часть диаспоры, все же, остается менее интегрированной группой по сравнению со своими «колониальными» предшественниками⁸. Левые вьетнамцы, несмотря на желание вернуться после победы социалистических сил во Вьетнаме, решили остаться во Франции в силу опасения быть заподозренным в «западном влиянии».

Таким образом, политический раскол приобрел не только свое горизонтальное измерение (лево-право), но и вертикальное (социальное расслоение). То есть, более богатые и укорененные во французском обществе левые группы вьетнамской диаспоры имеют больше влияния, чем сравнительно бедные и консервативные ее представители.

В целом вьетнамцы предпочитают не участвовать в общенациональной политике Франции. Скорее их волнует судьба своей исторической родины. Политический дискурс ограничивается взаимными притязаниями на «правильность» вьетнамского пути⁹. Именно этот политический раскол и поддерживает структурное единство вьетнамской диаспоры во Франции. В ходе этого диалога подспудно признается и даже выдвигается в качестве приоритета связь со страной происхождения и заинтересованность в ее будущем. Возможно, в случае отсутствия политических дебатов о Вьетнаме, франко-вьетнамцы стали бы скорее французами, чем вьетнамцами.

Межпоколенческий конфликт диаспоры в США

В преддверии падения г. Сайгон в ходе операций «Новая жизнь» и «Новоприбывшие» США эвакуировали 130 тыс. поддержавших проамериканский режим вьетнамцев¹⁰. Однако Соединенные Штаты оказались не готовы к массовому исходу «людей лодок». При посредничестве структур ООН был реализован план по урегулированию гуманитарного кризиса. Через лагеря для беженцев и переселение в другие государства прошло около 1,2 млн человек. От 200 до 250 тыс. человек

погибли или пропали без вести в воде¹¹. Большая часть беженцев была принята в США, Франции, Австралии и Канаде.

На долю трех перечисленных англо-саксонских стран сегодня приходится более половины всех представителей вьетнамской диаспоры (в общей сложности около 3 млн человек, $\frac{3}{4}$ из которых проживают в США). Общность исторических условий миграции (временной период, мотивация исхода, политика приема беженцев) обусловила наличие многих общих черт, которые разделяют вьетнамские сообщества этих стран.

Вьетнамским мигрантам в целом удалось полноценно интегрироваться в западные общества при сохранении своей кланово-семейной структуры. В условиях наличия серьезных проблем с принятием дипломов и с поиском работы взаимопомощь внутри вьетнамских семей предотвратила маргинализацию новоприбывшей группы. Особой экономической нишей вьетнамцев стали маникюрные салоны, примерно половина которых в США принадлежит *вьет киеу*¹².

Особая роль семейных отношений косвенно также проявляется в географии расселения диаспоры. В указанных странах большая часть вьетнамцев сосредоточена в двух-трех районах крупных городов. В этих городах формируются характерные торговые районы, которые зачастую называются «Маленькими Сайгонами». Самый многочисленный такой «Сайгон» в настоящее время находится в округе Орандж, штат Калифорния¹³.

По многим своим социально-экономическим характеристикам вьетнамская диаспора похожа на другие азиатские сообщества США. Нетипичной чертой, которая выделяет их среди всех остальных азиатских диаспор, стала их четко сформулированная правая политическая позиция. Значительная часть представителей диаспоры обладает опытом активной (иногда даже вооруженной) борьбы против коммунистических сил. Исследователи даже говорят о существовании особого «вьетнамского синдрома», суть которого сводится к переживаниям по поводу утраты своей Родины и несправедливого отражения событий войны в западном дискурсе¹⁴.

В США эта идеологическая направленность пост-сайгонской диаспоры проявляется в том, что вьетнамцы – это единственная азиатская диаспора, которая в основном голосует за республиканцев. Сегодня 51% американских вьетнамцев поддерживает республиканцев, 42% – демократов¹⁵. Однако ранее этот разрыв был ощутимо выше в пользу республиканцев.

В диаспоре обнаруживаются межпоколенческих разрыв. Из 2,3 млн американских вьетнамцев – 40% родились в США¹⁶. Пережившее войну и исход старшее поколение склонно не выходить за рамки своего сообщества, консервируя и культивируя в себе враждебность по отношению к правительству в Ханое и травму «потери» Родины. Более молодое же поколение, не обладающее таким негативным опытом, свободно говорит на английском языке и заинтересовано скорее в американской, а не во вьетнамской, культуре. Оно же менее категорично в политических вопросах, поддерживает либеральную партию страны пребывания (в США – демократов) и с большей симпатией относится к нынешнему режиму в Ханое. Об этом поколенческом разрыве свидетельствует также и значительное учащение контактов с Вьетнамом в самом начале XXI в., когда подросло не видевшее войну новое поколение американских вьетнамцев¹⁷.

В случае пост-сайгонской диаспоры США, как и в случае с ее соотечественниками во Франции, возникает определенный конфликт внутри диаспоры по поводу нынешнего вьетнамского правительства. Само наличие такой дискуссии формирует важный механизм связи со страной происхождения, увязывает с ней какую-то часть жизненных траекторий и убеждений.

Постсоциалистическая диаспора

Третья волна миграции вьетнамцев произошла в начальный период строительства Социалистической Республики Вьетнам. Начиная с 1950-х гг. правительство севера Вьетнама отправляло своих студентов на обучение в страны социалистического блока. Уже после победы в войне в качестве одной из мер по восстановлению экономики была предпринята попытка экспортировать рабочую силу.

Вьетнам заключил целый ряд соглашений со странами СЭВ, предоставляя своих граждан в качестве рабочей силы на определенный срок. Согласно соглашениям, часть заработанных средств перенаправлялась в бюджет Вьетнама. Несмотря на значительное число вьетнамцев в Восточной Европе (167 тыс. в 1989 г.) нельзя говорить о возникновении диаспоры вплоть до 1990-х гг.¹⁸. Вьетнамцы были обязаны возвращаться, а их семьям не позволялось переезжать к ним. В этой связи диаспора, как естественная форма самоорганизации сообщества в этнически отличной среде, возникнуть не могла. Скорее, это были потоки временной трудовой миграции.

Такая форма миграции просуществовала относительно недолго (порядка десяти лет). Уже в 1990-х гг., в связи с распадом СССР и

падением социалистических правительств в Восточной Европе, новые соглашения не были подписаны. Вьетнамцы оказались в подвешенном состоянии, если даже не в правовом и социальном вакууме. Меры по разрешению ситуации, принятые правительствами постсоциалистических стран, сильно разнились: от попыток выплатить пособия для репатриации (как это было предпринято в воссоединившейся ФРГ¹⁹) до игнорирования проблемы (как это случилось в России²⁰).

Большая часть бывших рабочих вернулась во Вьетнам. Однако значительная часть из них позже вновь выехала в постсоциалистические страны. Ключевым аспектом здесь стало смягчение политики Вьетнама в отношении миграции. После реформ *Дой мой* вьетнамцы получили значительные послабления в части выезда из страны, в том числе и легальное право воссоединиться со своей семьей, которая находится за рубежом. Само восприятие миграции и *вьет киеу* стало сдвигаться от чего-то резко осуждаемого и ассоциируемого с оппозицией режиму до более позитивного.

Непосредственное знакомство многих вьетнамцев со странами бывшего социалистического блока и дефицит в них товаров массового потребления привели к тому, что многие бывшие рабочие при опоре на свои семьи заняли нишу челночной торговли одеждой и мелкой электроникой. Товар закупался, как правило, во Вьетнаме и по более низкой цене относительно рынка продавался в Восточной Европе, Германии, России и на постсоветском пространстве²¹.

В силу сложившихся обстоятельств в Чехии, Польше, Германии и России возникла своя значимая вьетнамская диаспора, варьирующаяся от 50 тыс. до 200 тыс. в зависимости от страны. Эти цифры весьма приблизительные. Существуют как и постоянные резиденты, так и временно пребывающие. Есть и весомая доля нелегальных мигрантов.

Сложность в подсчеты также вносит трансграничность Восточной Европы после ее вхождения в Шенгенскую зону в 2004 г. Сообщества Чехии, Польши, Германии, Венгрии и Словакии стали связанными между собой, а циркуляция вьетнамцев внутри них крайне интенсивной. Зачастую возникает ситуация, когда обладатели вида на жительство, например, Чехии фактически проживают в Польше или любой другой стране распространения диаспоры²².

По всей видимости, трансграничность и повышенная мобильность общин в Германии и Восточной Европе предопределили высокую роль вьетнамской организованной преступности в криминогенной структуре этих государств. По имеющимся оценкам, в Венгрии вьетнамцы контролируют $\frac{2}{3}$ торговли метамфетамином. В Германии они

вероятные монополисты рынка контрабандных сигарет. Наиболее проблемной точкой стала Чехия, где вьетнамцы, помимо контроля рынка наркотиков, также, по всей видимости, занимаются продажей людей и оружия. Значительная часть участников этой сети состоит из нелегальных мигрантов²³.

Хотя вьетнамская организованная преступность существует и в Австралии (банда Т5), и в США (группа ВТК), в постсоциалистических странах она приобрела особый масштаб в силу наличия транснациональных сетей поддержки диаспоры. Россия здесь составляет исключение и в меньшей степени столкнулась с проблемой этнической преступности вьетнамцев. Территориально Россия находится слишком далеко и не входит в Шенгенскую зону, в силу чего российские вьетнамцы отрезаны от своих соотечественников в Европе.

Помимо негативных проявлений, вьетнамская диаспора также внесла свой весомый вклад в местные экономики. Как правило, вьетнамцы создают свои рынки-общезития (как самостоятельные, по типу «Сапа» в Чехии²⁴, так и сегменты больших рынков, как это было на Черкизовском рынке в Москве²⁵), на которых местное население может приобрести товары по более выгодной цене фактически в любое время. В Польше и Чехии вьетнамцы стали важной частью сообществ, формируя крупнейшие неевропейские национальные меньшинства (от 50 тыс. в каждой из стран). В Чехии вьетнамцы были официально признаны как национальное меньшинство, что позволяет им пользоваться правом создавать свои школы, средства массовой информации и прочее на родном языке²⁶.

Помимо Восточной Европы и России, к постсоциалистическим можно отнести и вьетнамскую диаспору в Анголе. В 1970-е гг. между двумя государствами сложилась особая близость. Обе страны поддерживали друг друга в борьбе против Китая и ЮАР соответственно. Между странами был подписан ряд взаимовыгодных экономических соглашений, в результате чего после окончания гражданской войны в Анголе в 2002 г. туда направилось множество вьетнамских бизнесменов. На данный момент в Анголе проживает около 10 тыс. вьетнамцев, которые играют важную роль в экономике африканской страны²⁷.

Таким образом, мигранты волны после 1991 г. покинули Вьетнам в силу желания занять определенную нишу в экономике постсоциалистических стран, обладали значительным преимуществом для ведения бизнеса благодаря своим семейным связям и возможностью покупать дешевый товар на родине.

Появление этой диаспоры не обуславливается политическими факторами. Хотя небольшое число молодежи и выступает против официального Ханоя²⁸, подавляющая часть постсоциалистической диаспоры скорее индифферентна к вопросам политического устройства Вьетнама. Ее представители выросли в условиях социалистического строительства, и отчасти выигрывают за счет положения дел в родной стране. Главной же конфликтной осью сообщества остается противоречие между его связью с неформальным сектором экономики и нелегальной миграцией, с одной стороны, и необходимостью интегрироваться в общества стран пребывания, с другой.

Новая диаспора: экспорт рабочей силы

В 2000-х гг. сформировался качественно новый миграционный поток из Вьетнама, предопределенный социально-экономической трансформацией вьетнамского общества. В XXI в. вьетнамцы все чаще уезжают из страны, руководствуясь тремя основными мотивами: поиск лучшей работы, получение образования и заключение брака с иностранцем.

Зачастую вьетнамцы выбирают развитые страны с уже состоявшейся вьетнамской диаспорой, например США или Австралию. Многие для получения образования переезжают и в бывшие социалистические страны – Польшу, Чехию и Россию. Однако в этих странах новая диаспора оказывается в меньшинстве, лишь небольшой частью в сравнении с предыдущими группами.

Тем не менее, образовался целый кластер стран, где ранее принятые вьетнамские семьи *«людей лодок»* стали подавляющим меньшинством по причине новых миграционных потоков. Так, до 2000-х гг. в Японии проживало около 16 тыс. вьетнамцев из пост-сайгонского поколения. В настоящее время же в стране число вьетнамцев превышает показатель в 500 тыс. человек²⁹. Похожее случилось в Южной Корее, Тайване и Малайзии, где новая диаспора стала количественно преобладать над «старыми» беженцами. Миграция также расширяет свою географию. К новым направлениям относятся ОАЭ и Саудовская Аравия.

Начиная с 2000 г., число переводов мигрантов на родину выросло с 1,3 млрд до 14 млрд долл. США³⁰. Трудовые мигранты, как правило, заняты либо как технологические специалисты, либо в сфере домашней работы.

Хотя зарубежное образование высоко ценится во Вьетнаме, зачастую ожидания выпускников от условий труда и уровня заработной

платы на родине не оправдывают себя. В этой связи вьетнамский студент скорее останется в стране-реципиенте³¹.

Одной из основ формирования новой диаспоры становится брачная миграция. Вьетнамские девушки особенно ценятся в Южной Корее, Тайване и Малайзии. Существуют целые брачные агентства по организации союзов с вьетнамскими женщинами, которые чаще всего находятся вне регулируемой правом зоны³².

Зачастую женщины, желающие присоединиться к новой диаспоральной группе, сталкиваются с серьезными проблемами. Так, в Саудовской Аравии работницы по дому работают в ужасных близких к рабству условиях³³. Под предлогом заключения брачных договоров женщин часто похищают³⁴. Дети от смешанных браков в гетерогенных обществах по типу японского или южнокорейского сталкиваются с дискриминацией в повседневной жизни, и все эти проблемы ложатся на плечи воспитывающих их женщин³⁵. Многие представители новой диаспоры также отмечают, что они сталкиваются с негативным опытом гибридизации своей идентичности, когда Вьетнам оказывается на той же дистанции, что и государство-реципиент³⁶.

Новая волна миграции во многом схожа с постсоциалистической. Представители обеих групп стремятся занять определенную экономическую нишу в другой стране ради повышения качества собственной жизни и благополучия своей семьи. Тем не менее, две диаспоры отличаются своей географией и масштабом. За двадцать лет суммарно около миллиона вьетнамцев стали частью новой миграции, по сравнению с показателем в 300 тыс. проживающих в постсоциалистических странах. В Восточной Азии, где сосредоточено подавляющее большинство участников новых миграционных потоков, в силу своей относительной немногочисленности пост-сайгонская диаспора была фактически структурно поглощена. Также открываются и новые географические направления, а именно арабские страны. Новые миграционные потоки вьетнамцев во многом идентичны другим моделям миграции в регионе.

Диаспора в соседних странах

На протяжении всей истории население Юго-Восточной Азии находилось в постоянном движении. В период колониального владычества Франции над Индокитаем многие вьетнамцы по разным причинам переезжали в соседние государства. Франция способствовала миграции вьетнамцев в подконтрольные Лаос и Камбоджу, где новоприбывшие зачастую занимали административные должности³⁷. Также многие

бежали в независимый Таиланд, откуда они могли вести борьбу за независимость³⁸.

Несмотря на то, что в крупнейших городах Лаоса вьетнамцев в какое-то время стало больше чем самих лаосцев³⁹, после окончания войны и установления социалистических режимов в 1975 г. каких-либо этнических противоречий не последовало. Подавляющее большинство вьетнамцев вернулось на родину. Оставшееся население практически бесконфликтно стало натурализованной частью лаосского общества⁴⁰. Причиной благополучного исхода можно назвать установление дружеских отношений между двумя странами. Оба государства обладают схожей политической идеологией, практически аналогичной организацией публичной власти и даже разделяют опыт противостояния американской агрессии. Возможно, именно в силу этого между двумя этническими группами не возникло конфликтов.

В Таиланде ситуация несколько отличалась. Изначально тайцы благосклонно относились к пришедшим на их территорию вьетнамцам. Обе группы в определенном смысле вели борьбу против европейцев в регионе. Однако, уже после Второй мировой войны осевшие в Таиланде вьетнамцы стали восприниматься как «коммунистическая угроза». Таиландское правительство разделило проживающих на своей территории вьетнамцев на «старых» (прибывшие до 1945 г.) и «новых» мигрантов. Первые могли претендовать на подданство, а вторые оставались нежелательными. Позже, благодаря нормализации отношений с Вьетнамом, проблема нелегального статуса большинства тайландских вьетнамцев была разрешена⁴¹. Сейчас до 98% представителей вьетнамской диаспоры Таиланда обладают паспортом тайского государства⁴². Однако официальная статистика вполне может не охватывать вьетнамцев, которые проживают на труднодоступной территории и остаются вне зоны достижения государства. Проблема по-прежнему существует, хотя ее масштаб не столь серьезен⁴³.

Наиболее сложной стороной вопроса являются вьетнамцы в Камбодже. Большая часть вьетнамцев здесь оказалась благодаря политике Франции. При получении независимости вьетнамцам было отказано в праве обладать паспортом кхмерского государства. В годы правления Лон Нола (1970-1975 гг.) в отношении камбоджийских вьетнамцев была проведена кампания этнических чисток⁴⁴. В период красных кхмеров проживавшие здесь вьетнамцы подверглись де-факто геноциду. Большую часть вьетнамцев (примерно $\frac{3}{4}$) изгнали из страны. Однако и во Вьетнаме беженцы не смогли пройти процедуру приобретения гражданства и оказались апатридами. В итоге, отвергнутые сразу двумя

государствами, после вторжения Вьетнама в Камбоджу в 1979 г. сотни тысяч вьетнамцев вернулись на свои привычные места проживания⁴⁵.

В Камбодже вьетнамцы проживают на озере Тонлесап и на водах реки Меконг в плавающих домах. Более 90% всей вьетнамской диаспоры в стране остается без гражданства, хотя эти цифры и весьма приблизительные. Точно невозможно оценить количество жителей этих деревень на воде. Цифры варьируются от 400 до 700 тыс.⁴⁶.

Зачастую вьетнамцы подвергаются дискриминации и постоянным рейдам полиции. Также вьетнамцы часто становятся объектом нападков в ходе предвыборных кампаний камбоджийских политиков⁴⁷. Вьетнамское правительство же склонно игнорировать наличие проблемы, осознавая сложность репатриации и реинтеграции населения⁴⁸. Ситуацию осложняют натянутые отношения между Пномпенем и Ханоем.

Идентичность местных жителей, скорее, основана на привязке к месту проживания своих предков (люди помнят до 9 поколений проживших в этой местности предков). Многие элементы кхмерской культуры также стали вплетены в идентичность тонлесапского сообщества⁴⁹. Здешняя диаспора скорее склонна формировать собственную автономную не-вьетнамскую и не-кхмерскую идентичность.

Ситуация с вьетнамцами в Камбодже напоминает то, что антрополог Дж. Скотт в своих работах определяет как *Зомия*. Под *Зомией* Дж. Скотт понимает обширный труднодоступный с физико-географической точки зрения регион Юго-Восточной Азии, где селились бежавшие от иерархической административной государственной системы народы⁵⁰. В результате отрицания институтов государственной власти здесь складывались свои сообщества, тяготеющие к эгалитаризму. Не-что похожее случилось и на юге Камбоджи, в силу чего этот регион можно назвать неким «продолжением» *Зомии*.

Хотя в Лаосе и Таиланде все еще существует проблема нахождения некоторых вьетнамских сообществ в недоступных для государства зонах, «новая *Зомия*» не распространяется на эти территории, ограничиваясь водными бассейнами юга Камбоджи. Тем не менее, предпосылки (сложность географии и нелегальная миграция) для повторения камбоджийского сценария были. Причину разности сценариев трех стран можно усмотреть и в объективных факторах (в Камбодже эти деревни просто больше по масштабу и с более древней историей) и в субъективных (Таиланд и Лаос находятся в дружеских отношениях с Вьетнамом и обе стороны заинтересованы в натурализации, Камбоджа – нет).

В целом, для диаспоры приграничных труднодоступных областей характерно нежелание инкорпорироваться в государство. Если в Лаосе эта проблема почти полностью решена, то в Таиланде еще остается часть населения в «слепой» для государства зоне. В Камбодже присутствует крайняя степень безгосударственности диаспоры.

Причина миграции в эти три страны находятся за пределами идеологических, либо экономических мотивов. Это классические диаспоры, основанные на вынужденной миграции. Вьетнамцы опасались насилия на территории Вьетнама (в Лаосе – подчиняясь французской администрации, в Таиланде – выигрывая время для последующей борьбы с колониализмом, в Камбодже – из-за невозможности натурализоваться). В силу тесной связи собственной семьи и территории этих трех государств многие остаются в соседних ко Вьетнаму странах.

Заключение

Феномен *вьет киеу*, или вьетнамской диаспоры, в своей массовой форме возник в XX в. и отразил историческую судьбу вьетнамского народа и его государства. География, временной период и мотивы миграции оказались настолько разнонаправленными, что становится крайне сложно говорить о какой-либо одной диаспоре. Достаточно сильно разнятся и отношение этих сегментов диаспорального множества к своей исторической родине. Какая-то часть воспринимает текущее правительство как историческую несправедливость. Другие же диаспоры настроены более компромиссно.

Всю сложность и многогранность этих различий также можно заметить внутри каждого из пяти выявленных сегментов вьетнамской диаспоры. На каждом уровне существуют свои внутренние конфликты и противоречия, свои собственные подгруппы с отдельными характеристиками. Такая ситуация делает картину многомерной и нюансированной, поскольку у каждого диаспорального множества формируются свои собственные подмножества.

Основные характеристики выявленных пяти диаспоральных множеств отражены в нижеследующей таблице.

Таблица. Основные характеристики
вьетнамских диаспор

	постколо- ниальная диаспора	послево- енная диас- пора	постсоциа- листиче- ская диас- пора	новая диас- пора	диаспора в сосед- них стра- нах
пример- ная чис- лен- ность	400 тыс.	3 млн.	около 300 тыс.	около 1 млн	невоз- можно по- считать, до 1 млн
период возник- новения	1910-1970- е гг.	1970-е гг.	1990-е гг.	2000-е гг.	весь XX век
государ- ства-ре- ципи- енты	Франция	США, Ка- нада, Ав- стралия, и нек. другие	ФРГ, Рос- сия, Польша, Че- хия, Ангола и нек. дру- гие	Япония, Южная Ко- рея, Тай- вань, ОАЭ, Саудовская Аравия и нек. другие	Лаос, Таи- ланд, Кам- боджа
мотивы мигра- ции	получение образова- ния, паде- ние Сай- гона	падение Сайгона	возмож- ность за- няться вы- годной тор- говлей, уча- стие в не- формаль- ном секторе экономики	трудова- я миграция, образова- ние, брак	избежа- ние наси- лия
основ- ной кон- фликт	идеологи- ческий	межпо- коленче- ский	роль крими- ногенной обстановки	проблема гибридиза- ции иден- тичности	стремле- ние до- стичь са- мостоя- тельности
вероят- ность возвра- щения	левые силы (ма- ловеро- ятно)	моло- дежь (малове- роятно)	средняя ве- роятность, нужен сти- мул	средняя ве- роятность, нужен сти- мул	практиче- ски невоз- можно

Источник: составлено авторами.

Как демонстрирует таблица, некоторые из этих множеств весьма сходны по своим характеристикам, поэтому их можно сгруппировать.

Так, пост-колониальная и пост-сайгонская диаспоры проживают в западных странах и отличаются крайней степенью идеологизированности. Внутри этих диаспор существует более лояльная Ханюю группа и их идейные оппоненты. В результате чего «вьетнамскость» как определяющая характеристика диаспоры формируется за счет наличия дискуссии относительно будущего и прошлого исторической родины.

Весьма сходны по своим мотивам новая и пост-социалистическая диаспоры. Зародившись на фоне реформ в самом Вьетнаме, эти группы покинули свою страну ради более благоприятных экономических условий. Их возможность вернуться зависит не от политических изменений, но от уровня комфортности социально-экономических условий.

Диаспора в соседних государствах же образует некоторую шкалу от наиболее безгосударственного к наиболее инкорпорированному в государство вьетнамского сообщества. Причины миграции здесь скорее обуславливаются историей и границами колониального периода, а возможность вернуться вызывает сомнение.

Таким образом, говорить о существовании некоторой единой вьетнамской диаспоры кажется слишком упрощенным обобщением, которое не отражает настоящую картину. Каждая из выявленных пяти диаспоральных групп обладает различными характеристиками идентичности.

Из общего для каждой из пяти групп можно выделить их вьетнамское происхождение и приоритетную роль семейных отношений в складывании диаспоры. Высокую роль семьи как основы общественных отношений можно отнести к базовым характеристикам любого вьетнамского общества как на Родине, так и за рубежом.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

ЛОШКАРЕВ Иван Дмитриевич, кандидат политических наук, доцент кафедры политической теории, доцент, МГИМО МИД России, Москва, Россия

Протасов Данила Владимирович, магистрант МГИМО МИД России, Москва, Россия

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 07.04.2026; одобрена после рецензирования 21.04.2026; принята к публикации 30.04.2026.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ivan D. LOSHKAREV, PhD (Polit.), Associate Professor of the Department of Political Theory, Associate Professor, MGIMO University, Moscow, Russia

Danila V. PROTASOV, master's student at MGIMO University, Moscow, Russia

Contributions of the authors: the authors contributed equality to this article. The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 07.04.2026; approved 21.04.2026; accepted to publication 30.04.2026.

- ¹ Zierler D. The invention of ecocide: Agent Orange, Vietnam, and the scientists who changed the way we think about the environment. — Athens: University of Georgia Press, 2011. 245 P.
- ² Kutler S.I. Encyclopedia of the Vietnam War. — New York: Simon and Schuster Macmillan, 1996. P. 470
- ³ Tsamenyi B.M. The 'boat people': Are they refugees? // Australian Journal of International Affairs. 1983. Vol. 37, № 1. Pp. 40-48
- ⁴ Nguyễn N.H.C. Vietnamese Diasporas: an introduction // Routledge Handbook of the Vietnamese Diaspora. Ed. by N.H.C. Nguyễn — New York, Oxon: Routledge, 2024. Pp. 2, 7
- ⁵ Ha M.P. Vietnamese diaspora in France // Contemporary French Civilization. 2003. Vol. 27, № 2. Pp. 255-257
- ⁶ Ha M.P. Vietnamese diaspora in France. Pp. 265-266
- ⁷ Blanc, M.E. Vietnamese in France // Encyclopedia of Diasporas. Ed. by M. Ember, C.R. Ember, I. Skoggard — Boston: Springer, 2005. Pp. 1162.
- ⁸ Blanc, M.E. Vietnamese in France. Pp. 1162.
- ⁹ Blanc, M.E. Vietnamese in France. Pp. 1164.
- ¹⁰ Vo N.M. Vietnam War Refugees in Guam: A History of Operation New Life. — Jefferson: McFarland, 2022. Pp. 1-3.
- ¹¹ Vo N.M. The Vietnamese boat people, 1954 and 1975-1992. — Jefferson: McFarland, 2015. Pp. 167-168.
- ¹² Соколов А.А. Этническое предпринимательство: вьетнамская версия // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2022. Т. 2, № 2 (54). С. 193–205; Ben-Moshe D., Pyke J., Kirpitchenko L. The Vietnamese diaspora in Australia: identity and transnational behaviour // Diaspora studies. 2016. Vol. 9, № 2. Pp. 112-127.; Kula S. M. et al. Vietnamese Americans // Journal of Southeast Asian American Education & Advancement. 2021. Vol. 16, № 1. Pp. 1-25
- ¹³ Võ L. T. Constructing a Vietnamese American Community: Economic and Political Transformation in Little Saigon, Orange County // Amerasia Journal. 2008. Vol. 34, № 3. Pp. 84-109
- ¹⁴ Wang C. Politics of return: Homecoming stories of the Vietnamese diaspora // positions: east asia cultures critique. 2013. Vol. 21, № 1. Pp. 163-164
- ¹⁵ Vietnamese Americans: A Survey Data Snapshot. — Washington: Pew Research Centre. URL: <https://www.pewresearch.org/2024/08/06/vietnamese-americans-a-survey-data-snapshot/>
- ¹⁶ Vietnamese Americans: A Survey Data Snapshot.
- ¹⁷ Trinh Võ L. Vietnamese American trajectories: Dimensions of diaspora // Amerasia Journal. 2003. Vol. 29, № 1. Pp. 14-16.
- ¹⁸ Рязанцев С. В. и др. Вьетнамская диаспора в России и ее вклад в развитие двусторонних отношений // Вьетнамские исследования. 2022. №3. С. 36.
- ¹⁹ Bösch F. The Vietnamese diaspora in Germany: Refugees, contract workers and migrants // Routledge Handbook of the Vietnamese Diaspora. Ed. by N.H.C. Nguyễn — New York, Oxon: Routledge, 2024. Pp. 91.
- ²⁰ Соколов А.А. Вьетнамцы в России: история, культура, интеграция // Диаспоры. 2011. №1. С. 223-225.
- ²¹ Szymańska-Matusiewicz G. The Vietnamese communities in Central and Eastern Europe as part of the global Vietnamese diaspora // Central and Eastern European Migration Review. 2015. Vol. 4, № 1. Pp. 6.
- ²² Szymańska-Matusiewicz G. The Vietnamese communities in Central... Pp. 6.
- ²³ Соколов А. А. Вьетнамские диаспоры в постсоциалистических странах Европы // Труды Института востоковедения РАН. 2018. № 10. С. 314; Bösch F. The Vietnamese diaspora in Germany: Refugees, contract workers and migrants. pp 92; Nožina M., Kraus F. Bosses, soldiers and rice grains. Vietnamese criminal networks and criminal activities in the Czech Republic // Europe-Asia Studies. 2016. Vol. 68, № 3. Pp. 508-528.
- ²⁴ Соколов А. А. Вьетнамские диаспоры в постсоциалистических странах Европы. С. 320.
- ²⁵ Соколов А.А. Вьетнамцы в России: история, культура, интеграция. С. 223.
- ²⁶ Соколов А. А. Вьетнамская диаспора в Чешской Республике // Труды Института востоковедения РАН. 2017. № 4. С. 323.

- ²⁷ Vietnamese Entrepreneurs Association in Angola makes debut. – Vietnam+. URL: <https://en.vietnamplus.vn/vietnamese-entrepreneurs-association-in-angola-makes-debut-post288521.vnp>
- ²⁸ Szymańska-Matusiewicz G. Democracy after 'the end of history': Vietnamese diasporic liberalism in Poland // *Social Anthropology/Anthropologie Sociale*. 2021. Vol. 29, №. 2. Pp. 404-420.
- ²⁹ Kawakami I. The Vietnamese diaspora in Japan: Refugees and internationalisation // *Routledge Handbook of the Vietnamese Diaspora*. Ed. by N.H.C. Nguyễn – New York, Oxon: Routledge, 2024. Pp. 104-105.
- ³⁰ Personal remittances, received (current US\$) - Viet Nam – World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/BX.TRF.PWKR.CD.DT?pa&locations=VN>
- ³¹ Соколов А.А. Современная образовательная миграция из Вьетнама: возможности и вызовы // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. 2017. № 35. С. 184-205.
- ³² Соколов А.А. Внешние миграции из Вьетнама: невесты на экспорт // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. 2018. № 2 (39). С. 146-156.
- ³³ Trần A. N. Bilateral Labor Agreement with Gendered and Unfree Labor: Vietnamese Women Domestic Workers in Saudi Arabia // *Journal of Labor and Society*. 2023. Vol. 27, №. 3. Pp. 370-396.
- ³⁴ Соколов А.А. Внешние миграции из Вьетнама: невесты на экспорт. С. 152.
- ³⁵ Соколов А.А. Внешние миграции из Вьетнама: невесты на экспорт. С. 149.
- ³⁶ Kawakami I. Resettlement and border crossing: a comparative study on the life and ethnicity of Vietnamese in Australia and Japan // *International Journal of Japanese Sociology*. – 2003. – Vol. 12, №. 1. Pp. 64-65.
- ³⁷ Mauk B. A People in Limbo, Many Living Entirely on the Water. – *The New York Times*. URL: <https://www.nytimes.com/interactive/2018/03/28/magazine/cambodia-persecuted-minority-water-refuge.html>
- ³⁸ Walsh J. C. The Vietnamese in Thailand: a History of Work, Struggle and Acceptance // *Acta Universitatis Danubius. Œconomica*. 2011. Vol. 7, № 1, Pp. 162-164.
- ³⁹ Stuart-Fox M. A history of Laos. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 51.
- ⁴⁰ Vietnamese community in Laos preserves cultural identity, promotes mother tongue. – Vietnam+. URL: <https://en.vietnamplus.vn/vietnamese-community-in-laos-preserves-cultural-identity-promotes-mother-tongue-post309131.vnp>
- ⁴¹ Napaumporn B. Forgotten Stateless Vietnamese in Thailand // *Migration in Southeast Asia: IMISCOE Regional Reader*. Ed. by S. Petcharamesree, M.P. Capaldi – Cham: Springer International Publishing, 2023. Pp. 61-69.
- ⁴² Vietnamese expats in Thailand. – Quảng Trị online. URL: <https://en.baoquangtri.vn/vietnamese-expats-in-thailand-183582.htm>
- ⁴³ Napaumporn B. Forgotten Stateless Vietnamese in Thailand. Pp. 69-72
- ⁴⁴ Path K. The Khmer Republic's mass persecution of the Vietnamese minority in Cambodia 1970–75 // *Political Violence in Southeast Asia since 1945*. Ed. by E.M. Zucker, B. Kiernan – London: Routledge, 2021. Pp. 134-147.
- ⁴⁵ Amer R. Domestic political change and ethnic minorities—a case study of the ethnic Vietnamese in Cambodia // *Asia-Pacific Social Science Review*. 2013. Vol. 13, № 2. Pp. 89-94
- ⁴⁶ World Directory of Minorities and Indigenous Peoples - Cambodia : Ethnic Vietnamese. – Refworld. UNHCR. URL: <https://www.refworld.org/reference/countryrep/mrgi/2017/en/64497>
- ⁴⁷ Mauk B. A People in Limbo, Many Living Entirely on the Water.
- ⁴⁸ Canzutti L. (Co-) Producing liminality: Cambodia and Vietnam's 'shared custody' of the Vietnamese diaspora in Cambodia // *Political Geography*. 2019. Vol. 71. Pp. 30-33.
- ⁴⁹ Mauk B. A People in Limbo, Many Living Entirely on the Water.
- ⁵⁰ Скотт Д. Искусство быть неподвластным. Анархическая история высокогорий Юго-Восточной Азии. Пер. И.В. Троцука. – М.:Новое Издательство, 2017. 818 с.